

«внешним» действием законов природы, но и «усилием» самих систем, – внутренне присущих им интенции самосохраняться. Это «умение» имеет разное проявление у неорганических, органических и социальных систем, но возрастание этого усилия от неорганических систем к системам социальным с очевидностью прослеживается. Есть основания считать, что самосохранения – побудительный мотив и важнейший механизм функционирования и эволюции материальных систем, в т.ч. социальных, и что вектор эволюции систем земной природы был неизменно направлен на совершенствование способов и форм самосохранения систем.

1. Овчинников Н.Ф. Принцип сохранения. – Философская энциклопедия. Т. 5. – М., 1970.
2. Материалистическая диалектика. Т1. – М., 1981. – 374 с.
3. Дерябин В.М., Законы сохранения в физике. – М.: Просвещение, 1982. – 128 с.
4. Сетров М.И. Основы функциональной теории организации (философский очерк). – Л.: Наука, 1972. – 164 с.
5. Амосов Н.М. О природе человека // Физкультура и спорт. – 1992, № 9-10.
6. Баландин Р. Вернадский: жизнь, мысль, бессмертие. – М.: Знание, 1979. – 176 с.
7. Померанц Г. Диалог наций на грани веков // Литературная газета. – 1994. – 9 октября.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1953. – 586 с.
9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21.
10. Захаров А. И мистер Эллиот купил револьвер // Комсомольская правда. – 1982. – 2 апреля.
11. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 216 с.

УДК 911.3

Тютюнник Ю.Г.

От акультурного ландшафта к ландшафтоиду

В самый разгар Века Просвещения сподвижник Кука немецкий натуралист Георг Форстер выступил с декларацией: «Новая омоложенная природы выйдет из наших рук. Как прекрасна эта культурная природа! Как она блестяща, как роскошен её наряд благодаря заботам человека!». В следующем столетии его мысль подхватил Карл Ритгер, и ввел понятие культурной сферы, подразумевая под таковой природу, в той или иной мере измененной деятельностью человека. Отто Шлютер окончательно утвердил линейный подход к проблеме того, что мы сегодня именуем *культурным ландшафтом*. Схема, заложенная немецкими географами XIX в., а позже поддержанная Карлом Зауэром, имела стройную логическую форму: сначала был ландшафт природный, потом в его развитие и функционирование вмешался человек и он стал ландшафтом, измененным «просто», а дальше, вовлекшись в сферу культуры, – культурным.

Однако стройной схема была только на первый взгляд. Сама культура, как известно, разделена на материальную и духовную. Если в области духовной культуры понятие культурного ландшафта особых споров не вызывало, то в области материальной культуры сразу встал вопрос: все ли измененные человеком, или, как позже начали говорить, *антропогенные ландшафты*, являются культурными. Очевидно, в общем случае, нет. Для обозначения девастированных ландшафтов, возникших в лоне материальной культуры было предложено понятие *ландшафта акультурного*.

Но на этом проблемы культурного ландшафта, обусловленные самой культурой, не окончились. В марксизме была показана классовая неоднородность культуры, а позже в социобиологии – то, что культура, как таковая, имплицитно содержит в себе не только созидательные, но и деструктивные потенции. С классовой противоречивостью и имманентной деструктивностью тех или иных сторон культуры также связаны определенные ландшафтные феномены. В общем, стройная схема культуру-ландшафтогенеза Риттера - Шлюттера – Зауэра дала сбой, причем «по вине» самой культуры, которая оказалась внутренне неоднородной и противоречивой.

Современное её состояние также имеет ряд особенностей далеко не лучшего свойства. И с этими особенностями тоже связаны определенные ландшафтные феномены. Проанализируем некоторые. Исходный вопрос сформулируем так: что произойдет, если понятие акультурного ландшафта из области материальной культуры перенести в область духовной? Возможно ли рождение ландшафтов-уродцев под влиянием не только политической культуры, но даже в сфере искусства, науки, философии и религии? Да, возможно.

В разных областях «надстроечной», если пользоваться старым марксистским понятием, деятельности общества возникают **ландшафты культурностные**. Эти ландшафты, обуславливаются массовой культурой, поп-культурой. Они являются своеобразными, если так можно выразиться поп-ландшафтами. Начиная с Вальтера Беньямина, феномен массовой культуры изучен хорошо, но на поп-ландшафты внимания обращали недостаточно. Мы не имеем возможности в докладе дать их детальный анализ. Ограничимся одним примером, который поможет понять суть дела.

Согласно Беньямину, одним из важнейших отличительных признаков поп-культуры является замена её сакральной, шире – духовной функции чисто экспозиционной. Экспозиционирование ландшафта – главный технологический прием туристического бизнеса. Ландшафтный образ многократно тиражируется, клишируется и транслируется. Он становится стандартным, безликим, деиндивидуализированным, лишается какой бы то ни было духовной составляющей и становится феноменом чистой экспозиции, предназначенной для купли-продажи (так называемый туристический продукт). Особо ярко этот разрушительный по отношению к ландшафту процесс можно проследить на феномене современного паломничества, начисто лишившегося своей подвижнической, жертвеннической составляющей и превратившегося в приятное комфортное путешествие по сакральным ландшафтам, утрачивающим свою сакральность.

Следующей ступенькой деградации ландшафта в лоне духовной культуры являются **красивостные ландшафты**. Здесь клишируется не просто образа ландшафта, когда сам ландшафт может физически и не затрагиваться. Ландшафтное клише непосредственно создается средствами градостроительства, архитектуры, ландшафтной архитектуры и дизайна. Идет прямое воздействие на физические части ландшафтного тела.

Современная архитектура разделяет все пороки массового искусства. Но её опасность многократно усиливается ещё и тем, что начинает гипертрофироваться и доводится до физического и эстетического абсурда одна из главных социально-исторических функций архитектуры: возвеличивание и увековечивание в сооружении власти правящих классов. Если в былые эпохи эта её функция

фізически обмежувалася властивостями природної середовища і можливостями будівельної техніки, то сьогодні фізически вона не обмежується нічим. Якщо естетически в минулі епохи класово-соціальна роль архітектури коректувалася культовою функцією мистецтва, то сьогодні, ідучи в русле поп-культури, архітектура виконує тільки або переважно експозиційні функції. В результаті в мистецтві архітектури, градостроїтельства і дизайну сьогодні має місце те, що киевський архітектор Г.С. Духовничий назвав стилеразрушенням. Суть архітектури і дизайну, як мистецтва, – в стилеформуванні просторово-фізических мистецесвенних форм оточуючої середовища. Відсутнє стилеформування – ніт і мистецтва. Зостається «голе» просторово-агресивне будівельство і клішировано-фестончатое укрощаельство різного роду патіо і бонсаев.

Слідуючим сюрпризом, котрий преподносить нам сучасний культур-ландшафтогенез, являються **антиландшафты**. Понятіе антиландшафта було употреблено В.Л. Каганским для означення просторств, заповнєнных соціальної предметністю тоталітарного общества. Я використав це понятіе для означення лагерних ландшафтов (термін російського культуролога Ю.П. Гусєва) фашистської Німеччини. Антиландшафт відрізняється від ландшафта тим, що імманентен не життя, а смерті людини, в тому числі в формі його поступєнного історического умирания в різного роду естетизированих формах. Фашизм – це політика, як естетика. Возвращєніє людини к животним і полуживотним формам бытия – це тоталітаризм.

Сучасний ринок тоталітарен, глобальний капіталізм – найновіша форма тоталітаризма. Відповідно і ландшафты, формуючієся в системі так називаємых рыночных отношений, приобретають чєрты антиландшафтов або повністю стають ними. Найраспространєнный прийєм торгошеской тоталітаризации ландшафта – його інформаційне забруднення комерцеской і політической рекламою. Реклама, як відомо, сьогодні поставлена на научну основу, використує весь техніческий арсенал прийємов впливу на свєдєніє і підсвєдєніє, характерний для мистецтва, і навіть для філософії і рєлігії. Поєтому виникновєніє антиландшафтов капітала також знаходиться в руслі культур-ландшафтогенеза, точнєє, уже антиландшафтогенеза.

Последнім «словом техніки» антиландшафтогенеза являється культур-творчий бізнес (вираженіє Наомі Кляйн). Це уже нечтє новєє, із епохи економіки брєндов. Брєндинг, в відмічєє від реклами, не тільки пользєється прийємами науки і мистецтва, філософії і рєлігії, он сам устанавлює правила їх функціонування, повністю підчиняє духовну життя общества механізму капіталістической наживы. Широко брєндируються і товарні форми, звязанні з ландшафтом, виникають ландшафты-брєнды. Це помітно уже в культурностных ландшафтах туристического бізнеса, но в антиландшафті превращєніє ландшафта в тотальную торговую форму с помощью культуры достигаєт своєго найвишєшого вираженія.

Но і це ещє не предел разрушения ландшафта капиталом в руслі сучасного культурогенеза. На горизонтє замаячили квазіландшафтні феномени, котріє ми пропонуємо назвати **ландшафтoidsми**. Культура к їх виникновєнію має неперєдєстєвенное відношеніє, но не прямо, а як бы наоборот, со знаком мінус – як целєнаправленно культивированєє і воспроизводимєє бескультурье.

Здесь работают достаточно скрытые, не очевидные исторические механизмы. Чтобы их увидеть, нужно вспомнить, что политической теорией второй половины XX в. был показан и хорошо изучен тот факт, что после Второй мировой войны благосостояние рабочего класса в странах развитого капитала существенно повысилось. Пролетариат, в целом, вписался в буржуазную систему и стал её частью. Одновременно резко возрос удельный вес так называемых белых и серых воротничков, которые из социальной прослойки превратились в некое подобие класса. Буржуазно-либеральные интеллектуалы этот феномен объясняли тем, что в условиях научно-технической и информационной революции капитализм сумел обеспечить благосостояние рабочих на более высоком уровне, чем пресловутый социализм. Левые же идеологи и философы твердили, что капитал просто поделился частью своих благ с трудящимися, перепуганный социально-освободительными движениями XX в. Спор этот разрешил 1991 год – год реставрации капитализма в СССР и странах Восточной Европы. Капитализм победил, восстановил свои силы и избавился от страха радикальных общественных трансформаций. У него оказались развязанными руки, и в лице неолиберализма он пошел в активное наступление на права трудящихся по всему миру. Настала эра глобального капитализма. В новых относительно безопасных исторических условиях для капитала открылись невиданные ранее возможности усиления эксплуатации трудящихся, с опорой, прежде всего на технологии манипулирования сознанием и подсознанием масс. Уже в середине 1990-х радикальные интеллектуалы, такие, как, например, небезызвестная Сьюзен Джодж, фиксируют: богатые стремительно становятся ещё богаче, бедные не менее стремительно становятся ещё беднее.

В конце XX – начале XXI в. нелегальная миграция бросает массы трудового люда в условия скотской, бесправной, не защищенной ни профсоюзами, ни трудовым законодательством работы; привычными становятся постоянные сообщения о фактах новейшего рабства и крепостничества; возрождаются потогонные системы труда XVIII – начала XIX в.; во многих странах повышается пенсионный возраст. Это – реалии сегодняшней так называемой цивилизации.

Одним из главных и наиболее эффективных механизмов утверждения власти капиталом в XXI в. выступает целенаправленное культивирование в массах *бескультурия*. С помощью тончайших когнитивных манипуляций, оно осуществляет, во-первых, вытравливание из масс культуры социального протеста, политической борьбы; и, во-вторых, что ещё более важно, реализует технологические и экономические функции. Первая роль бескультурия традиционна. Вторая относительно новая, она зародилась, как о том писали ещё франкфуртцы, в недрах поп-культуры, и сегодня подошла к своему логическому завершению, состоящему в следующем.

У культуры, как цивилизационного явления, есть две основные функции – сдерживать в человеке проявления инстинкта зоологического индивидуализма и прогрессивно аккумулировать код. Так вот первая функция культуры бескультурием снимается полностью – не только на уровне элиминирования культуры потребления и понятия разумных потребностей, но и на более глубоких инстинктивных уровнях, на которых возрождаются и поддерживаются животные поведенческие механизмы первоочередного доступа к пище и самкам. Получаемый экзистенциальный результат Наоми Кляйн кратко формулирует так:

"Покупать – значит быть". Он, этот результат, дает двоякий эффект. Во-первых, индивидуумы, видящие в потреблении смысл существования, в своей совокупности формируют исключительно эффективные рынки. Во-вторых, ради удовлетворения своих потребительских инстинктов они готовы безропотно работать по 12, 16, 18 часов. В этом-то и состоит экономическая и технологическая функция бескультурия. Оно - не временное явление, не преходящая неприятность, которая по мере развития цивилизации куда-то уйдет. Оно – закон функционирования капитализма в XXI веке.

А что же ландшафт? А ландшафт в условиях технологического бескультурия, как исторической закономерности современности, превращается в ландшафтоид. Культур-ландшафтогенез со знаком минус.

Как это происходит технически? По-разному, процесс только разворачивается, хотя и набирает силу с угрожающей скоростью. В сущности, все выше перечисленные феномены девастирования ландшафтов в области духовной культуры, являются его этапами, ступенями, моментами. Есть и целый ряд других, всех в докладе не перечислишь. Но на одном сделать акцент необходимо. Это – тривиальное замусоривание.

Замусоривание твердыми и прочими бытовыми отходами, согласно своему происхождению, бывает двух типов: технологическое и психологическое. Замусоривание первого типа происходит из-за несовершенства технологий утилизации и переработки отходов жизнедеятельности человека, оно исторически объективно, преходяще и по мере развития технологий теоретически должно сойти на нет. Оно обуславливает формирование ландшафтов – акультурных, девастированных, паразитических, но ландшафтов.

Замусоривание второго типа никакими технологическими причинами не вызывается – это чистый эрзац-результат бескультурия. Примеры я приводить не буду, они всем отлично известны. Но вот что ошибочно в оценке этого явления, так это его рассмотрение как досадного недоразумения, которое, если усовершенствовать воспитание, развить культуру, ужесточить санкции, должно исчезнуть. Не исчезнет, оно – результат фундаментальной исторической закономерности современного этапа развития капитализма. Оно – конкретное предметное проявление того его гниения, о котором говорил ещё Ленин. Оно будет прогрессивно нарастать, даже при выдающихся успехах в области разработки мало- и безотходных технологий.

Разрушение ландшафта замусориванием начинается моментально. Достаточно одной, только одной брошенной бутылки, чтобы образ березовой рощи, соснового бора, вековой дубравы был безнадежно искажен. **Ландшафт – это территориальная целостность, очерченная объективными границами и имеющая устойчивый образ.** Нет образа – нет и ландшафта. Есть ландшафтоид. А количество брошенных бутылок растет и будет расти, подбираясь, после образа, к биологической и физико-химической составляющим ландшафта, замещая его литогенную основу, превращая планету в гигантскую свалку, и выходя, в конечном счете, в Космос (как это хорошо описал фантаст Гари Гарисон в романе «Бил, герой Галактики»).

Но у нашего времени есть и другая тенденция. Организация и расширение природных и культурно-исторических охраняемых территорий, проведение экологических коридоров, выделение и содержание всяческих охранных зон. Всемирное наследие, наконец.

Да, культура, человек и ландшафт просто так не сдаются. Но перевес не на их стороне, наступает капитал. Как только частный интерес проявляет интерес к охраняемой территории, последняя сразу же перестает быть охраняемой, несмотря ни на какие усилия общественности. Примеров – масса.

Однако главная опасность кроется даже не в наглости и цинизме капитала, в конце концов, они – суть его природа и было бы наивным ждать от него чего-то иного. Главная ландшафтная опасность, на мой взгляд, кроется в глобальной поляризации ландшафтной сферы на территории элитные и маргинальные, на ландшафты и ландшафтоиды. Мы знаем о поляризации ландшафтов, благодаря работам Б.Б. Родомана. Но его теория работает сегодня совсем не так, как задумывалось. Родоман уповал на рациональные принципы и технологии управления ландшафтом, современная же поляризация идет совершенно иррациональными путями, поскольку функционирование социально-экономической системы капитализма по своей природе иррационально. В результате на одном полюсе поляризации – для потребностей «золотого миллиарда» – формируются города-сады или кварталы-парки, где он проживает, природные резерваты, где он охотятся и дышат чистым воздухом, замки и архитектурные ансамбли, в которых он устраивают светские рауты. На другом полюсе – места для масс, обслуживающих потребности этого миллиарда, – свалки и трущобы, разного рода зоны отчуждения (прототип в Украине уже есть) и «тринадцатые кварталы» (вспомним фильм Люка Бессона).

Между ландшафтами и ландшафтоидами образуется поле силового напряжения. На локальном, региональном и глобальном уровнях. В физическом, химическом, биологическом и социальном планах. Это – простое следствие из классического ландшафтного положения о парадинамическом и парагенетическом взаимодействии ландшафтов. Что ожидает ландшафтную оболочку в случае, если напряженность этого поля будет расти, догадаться не трудно. О частных феноменах глобального разрушения – от парникового эффекта до терроризма, как чумы XXI века – разговоров сегодня много. Но разговоры так и остаются, в лучшем случае, разговорами ...

Является ли этот процесс – аннигиляции ландшафтной сферы в поле напряжения между ландшафтами и ландшафтоидами историческим приговором? Я думаю, что это ещё не приговор, хотя ситуация и близка к таковому. Но рассуждения о путях выхода из сложившейся ситуации находится уже за пределами географии.